

© 2019 Т.Н. КОТОВА

СТАНОВЛЕНИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ В ХОДЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА

Котова Татьяна Николаевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Российская Федерация, 119571 Москва,
просп. Вернадского, д. 82, стр. 1.

Электронная почта: tkotova@gmail.com

Аннотация. Сравниваются две модели эмоционального развития, уделяющие особое внимание механизму перехода от более ранних форм эмоций к более зрелым. Модель интериоризации М. Холодински предполагает интерпретировать эмоциональное развитие по аналогии с подходом Л.С. Выготского к развитию мышления. Модель социобиологической обратной связи в эмоциональном развитии Д. Гергея и Дж. Уотсона базируется на механизме восприятия согласованности. Анализ выявил как общие черты, так и различия между подходами. В обеих моделях механизм развития эмоций представляет собой включение внешних коммуникативных знаков во внутренний индивидуальный процесс управления действием на основе эмоций. Ключевое различие определяется тем, какое место в общей логике занимает появление в конце первого года жизни полноценно функционирующих эмоций. В модели Гергея и Уотсона оно интерпретируется как состоявшееся преобразо-

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01047).

СОЦИ- АЛЬНО- ЭМОЦИО- НАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ

вание процесса реализации эмоций путем включения в него прежде внешнего коммуникативного знака. В модели Холодински оно — лишь промежуточный этап на пути интериоризации внешнего знака, который ведет к возникновению в дошкольном возрасте новой формы эмоции, опирающейся на внутреннюю эмоциональную экспрессию и позволяющей анализировать свои эмоции во внутреннем плане. Рассматриваемые модели и выдвинутые теоретические модификации интересны в качестве основы для эмпирических исследований в данной области.

Ключевые слова: развитие эмоций, интериоризация, репрезентация эмоций, предшественники эмоций в младенчестве, полноценно функционирующие эмоции, социальное научение, эмоциональная экспрессия.

Ссылка для цитирования: Котова Т.Н. Становление репрезентационных возможностей в ходе эмоционального развития ребенка // Человек. 2019. Т. 30, № 3. С. 107–119. DOI: 10.31857/S023620070005383-8

В теориях эмоционального развития, описанных в научной литературе, представлены преимущественно этапы развития ребенка, с выявлением его возможностей на той или иной стадии [7; 18; 22; 23]. При этом практически не встречаются предположения, теории или подходы, включающие в себя механизмы такого развития, объясняющие переходы с этапа на этап. В работах, посвященных эмоциональным явлениям как таковым, можно обнаружить суждения об общих механизмах возникновения и о происхождении в онтогенезе эмоций, базовых эмоций, схем эмоций, категоризованных эмоций и других выделяемых феноменов [10; 8; 19; 9; 24; 5]. Но обычно они носят самый общий характер и никак не соотносены с какими-либо этапами психического развития.

Тем не менее существуют две модели эмоционального развития, посвященные непосредственно механизму перехода от ранних форм эмоций к более зрелым. В данном обзоре мы хотели бы сравнить эти модели и попутно раскрыть их более подробно. Речь идет, с одной стороны, о теории интериоризации М. Холодински [14; 16], в целом предлагающего интерпретировать эмоциональное развитие по аналогии с моделью интериоризации Л.С. Выготского в отношении развития мышления [1]. С другой стороны, нас будет интересовать концепция социобиологической обратной связи в эмоциональном развитии Д. Гергея и Дж. Уотсона [12], построенная на анализе восприятия согласованности в младенчестве.

Основная задача этих подходов — объяснить, как существующие в самом начале младенчества, в период новорожденности, формы реагирования на события и состояния, вступая во взаимодействие с условиями жизни, приходят к преобразованию в зрелые, развитые и сложные формы. В главном предлагаемые ими

механизмы имеют много общего: в основе процесса развития лежит, по замыслу обеих моделей, взаимодействие между ребенком и взрослым в ходе удовлетворения первым своих потребностей в условиях, когда он сам фактически не имеет никаких возможностей для этого.

То, что в этой ситуации делает взрослый, в соответствии с обоими подходами, оказывается в дальнейшем буквально встроено в протекание индивидуальной эмоциональной реакции на новом ее уровне, то есть интериоризируется. Более того, обе модели говорят о знаковой природе интериоризируемого содержания. Однако между ними обнаруживаются различия уже в определении, что именно в поведении взрослого по отношению к младенцу становится в ходе развития знаковым опосредованием его первичных эмоциональных реакций.

По мнению М. Холодински, младенец изначально сталкивается с эмоциональной экспрессией взрослого, возникающей в ответ на внешне заметные проявления его эмоциональных состояний. Именно она становится знаком для эмоций младенца, встраивается в процесс эмоциональной реакции. «Я предполагаю, что с точки зрения развития ребенка экспрессивные сигналы являются первой включенной в культуру знаковой системой, опосредующей эмоциональную регуляцию взаимодействия между ребенком и близким ухаживающим взрослым» [15, р. 16].

Теоретически для М. Холодински было важно подчеркнуть тот факт, что языковые конструкции, структурирующие эмоции, придающие им то или иное значение, вступают в действие позже и не являются ключевыми в процессе становления собственно эмоций. Он подчеркивает, что еще раньше, чем ребенок столкнется с языком, он имеет дело с другой знаковой системой — эмоциональной экспрессией, и именно она определяет, в какие группы сложатся исходно имеющиеся эмоциональные переживания младенца.

При этом Холодински указывает, что эмоции взрослого, конечно, уже содержат значения, «амальгамированы» языком, а раз так, то и экспрессия взрослых до некоторой степени эту форму обобщения несет в себе. В этом смысле взрослый, реагируя на переживания младенца с помощью такой экспрессии, уже преобразует эмоциональные переживания, обобщает их определенным образом. Говоря об этом, Холодински перечисляет также примеры экспрессивных знаков, которые, вероятнее всего, появились уже после оречевления эмоций и часто выглядят как культурно-специфические: сжатые кулаки при гневе, удивленный присвист. Однако он не уделяет внимания различению этапов развития эмоций, на которых эти варианты экспрессивных знаков могли бы быть освоены, с одной стороны, и могли бы оказывать влияние на ход развития эмоций, опосредуя переживания более раннего уровня, — с другой.

Т.Н. Котова
Становление
репрезента-
ционных
возможностей...

«Отзеркаливание» аффекта подразумевает в первую очередь интерпретацию взрослым состояния ребенка. Взрослый, ухаживающий за младенцем, на эмпатическом уровне, а также с более эксплицитной позиции культурно-обусловленных представлений об эмоциях и обстоятельствах, которые могут их вызывать, наблюдая те или иные проявления состояний ребенка, распознает эти состояния, пусть и не всегда правильно. С одной стороны, это вызывает у взрослого собственные эмоции. Например, плач может привести немного тревожную молодую маму в напряженное, близкое к досаде и чувству вины состояние («Я так долго не могу его успокоить!»). Эта эмоция не является «зеркалом» переживания младенца. С другой стороны, попытки понять младенца (повторимся: как намеренные, так и интуитивные, запускаемые автоматически) приводят к тому, что взрослый начинает испытывать те эмоции, которые он обычно переживает в состоянии, распознанном им у младенца. Например, та же мама может в момент плача младенца вспомнить, что в предыдущее кормление он был беспокоен и не активен, а значит, вероятнее всего, мало поел и сейчас голоден, и испытать эмпатически беспокойство и «поисковую» активацию, свойственную голоду, что отразится в ее мимике, движениях и действиях. Эти изменения, вызванные воспринимаемым взрослым переживанием ребенка, и будут «отзеркаливанием» аффекта, которое Д. Гергей и Дж. Уотсон включают в свою модель.

110

или встряхивать головой, чтобы рассмешить), взрослый сообщает младенцу, как бы ни был тот мал, о состоянии, которое он обнаружил. Получается, что и экспрессия, и речь, и действия, адресованные младенцу, начинают существовать как целостный знак, поясняющий ему его состояния и обобщающий их по определенному значению.

Включение действий взрослого в этот набор приобретает особый интерес в контексте рассмотрения модели Холодински. Дело в том, что Холодински, излагая представления об эмоциях, на которых он строит свою модель интериоризации, берет за основу позицию А.Н. Леонтьева [2; 3]. Но при этом он указывает на существенную, по его мнению, критику функциональной интерпретации эмоций: подход Леонтьева не учитывает такого важного компонента эмоции, как «готовность к действию» (action readiness), который продемонстрирован в целом ряде эмпирических работ [7; 10; 16]. С точки зрения Холодински, регуляция действий — одна из центральных функций эмоций, и то, какие именно действия оказываются энергетизированы данной эмоцией, характеризует как индивидуальную, так и внутрикультурную ее специфику.

Холодински часто использует терминологию А. Сроуфа [25], называя самые ранние формы эмоций «предшественниками», и соглашается с тем, что эти формы нельзя называть полноценно функционирующими эмоциями, но в то же время выделяет у новорожденного пять эмоций с соответствующей им экспрессией [15]. В дальнейшем он характеризует эти эмоции как рефлексоподобные реакции, вызываемые определенными состояниями организма и не соотнесенные с каким-либо значением (not meaning-related appraisals). Однако в модели интериоризации Холодински исходит из того, что уже эти наиболее ранние формы экспрессии младенца (пусть и после определенного периода их успешного использования и дифференциации до пятнадцати вариантов в раннем возрасте) становятся источником эмоциональной экспрессии как знака для себя в дошкольном возрасте.

Гергей и Уотсон [12] при описании стартовой точки эмоционального развития подчеркивают, что ключевое отличие внутренних ощущений младенца от эмоций в привычном для нас понимании в том, что они не соотнесены ни с какими обстоятельствами и условиями, а значит, полностью ситуативны, не включают в себя ожидаемых, избегаемых или искомых последствий. В связи с этим, вероятно, мы не можем в полной мере называть эти переживания оценкой («appraisal») обстоятельств, стимулов, и даже при учете рефлексорной природы этих переживаний называть их оценкой собственного состояния. Таким образом, функцию энергетизации действия эти формы эмоций еще выполнять не могут.

Т.Н. Котова
Становление
репрезента-
ционных
возможностей...

Анализ этого процесса по модели Гергея и Уотсона показывает путь, вполне соответствующий пути интериоризации внешнего социального знака и преобразованию под воздействием некоторого непосредственного психического процесса в процесс, опосредованный репрезентацией, и позволяющий управлять своим действием более самостоятельно.

При целостном рассмотрении процесса преобразования форм эмоций в ходе развития мы видим главное отличие между анализируемыми моделями. И по модели Холодински, и по модели Гергея–Уотсона в процессе эмоционального развития происходит включение эмоциональных аспектов поведения взрослого как знака в становление более зрелых форм эмоций у ребенка. Однако это преобразование происходит по модели Холодински в конце дошкольного возраста [15], тогда как в модели Гергея и Уотсона включение знака в индивидуальный процесс можно наблюдать уже в той форме реализации эмоций, на которую оказывается способен годовалый ребенок. В модели Холодински преобразование, о котором мы говорим, наблюдаемое на первом году жизни, также зафиксировано, и с небольшими отличиями, указанными нами выше, он его также описывает. Однако он не рассматривает этот момент как собственно произошедшую интериоризацию знака, как преобразование разделенного между ребенком и взрослым процесса в индивидуальный, реализуемый в психике ребенка. При этом Гергей и Уотсон вовсе не используют термин «интериоризация» и не апеллируют к теории Л.С. Выготского, в связи с чем может наблюдаться данное различие между моделями.

Тем не менее вышеприведенный анализ, на наш взгляд, показывает, что, с одной стороны, отнесение момента интериоризации знака к дошкольному возрасту приводит к потере существенных черт процесса интериоризации. В частности, оказывается не до конца объясненным возникновение энергетизации действия эмоцией, то есть новообразования в исследуемой области развития. С другой стороны, такое рассмотрение периода упускает момент существенной перестройки психического процесса с появлением опоры на репрезентацию. Те изменения, которые происходят в годовалом возрасте, выглядят в модели Холодински лишь промежуточным нарастанием, постепенным продвижением к зрелой форме.

Таким образом, в модели Гергея и Уотсона мы можем найти в достаточной мере черты интериоризационного подхода к развитию, и при этом данная модель решает задачу применения такого подхода в большем соответствии с его базовыми принципами, нежели модель Холодински, по отношению к которой эти принципы открыто постулированы.

В то же время выделяемый в модели Холодински качественный перелом в развитии эмоций в дошкольном возрасте, безусловно, также является существенной перестройкой. Холодински указывает, что в этот момент экспрессивные средства, с помощью которых ребенок сигнализировал о своем эмоциональном состоянии другим, могут быть направлены на себя самого. Это позволяет ребенку на новом уровне использовать эмоцию для регуляции действия. Примеры, которые приводит Холодински, действительно демонстрируют изменение в возможности управлять своими действиями с использованием собственных эмоций: «взрослый человек может обеспечить себе поддержку, когда испытывает печаль» [ibid., p. 14]. В этом мы можем наблюдать не просто избегание обстоятельств, обычно вызывающих грусть, и стремление к обстоятельствам, обычно вызывающим радость, то есть тот уровень управления действиями на основе эмоций, который оказывается достигнут к концу первого года жизни. Оказание себе поддержки в ситуации, когда испытываешь печаль, указывает на то, что человек может вообразить себя радостным, находясь в грустном состоянии, и предположить, а затем и искать, те обстоятельства, которые могли бы у него вызвать радость и «снять» грусть. Такой анализ эмоции во внутреннем плане мы не можем ожидать у годовалого ребенка.

Также Холодински показывает, что к концу дошкольного возраста ребенок оказывается способен интерпретировать внутренние (проприоцептивные и физиологические) признаки эмоционального состояния и еще до возникновения яркой внешней экспрессии предпринимать нечто для удовлетворения своих мотивов [ibid.]. При этом внешняя экспрессия не исчезает из репертуара ребенка, а оказывается сосредоточенной на функции общения, донесения информации о переживаемых эмоциях до окружающих.

Т.Н. Котова
Становление
репрезента-
ционных
возможностей...

В то же время формы эмоциональной экспрессии, которые Холодински ставит в соответствие эгоцентрической речи, оказываются отнесены к дошкольному возрасту, то есть осваиваются на его протяжении. Холодински не приводит примеров подобной эгоцентрической экспрессии и ситуаций, в которых она используется. Но опираясь на концепцию развития Д.Б. Эльконина [4] и на данные

А. Лесли [20; 21] о роли воображаемых ситуаций в становлении репрезентационных возможностей для эмоций, мы могли бы ожидать, что эмоциональная экспрессия, изображаемая для погружения в воображаемую ситуацию со специфичными для нее переживаниями внутри сюжетно-ролевой игры дошкольника (а также при чтении книг, просмотре мультфильмов и их обсуждении), является аналогом эгоцентрической речи в логике развития эмоций. Здесь нужно отметить и тот факт, что именно в этом возрастном периоде осваиваются и активно используются для анализа, сравнения и соотношения своих эмоций с различными ситуациями упоминаемые Холодински речевые культурно-специфические обобщения относительно эмоций и культурно-специфические формы эмоциональной экспрессии, возникающие после их оречевления.

Таким образом, в модели Холодински зафиксирован действительно момент преобразования процесса управления действий на основе эмоций, происходящий за счет интериоризации внешнего знака (эмоциональной экспрессии) взрослого, в конце дошкольного возраста. В то же время в этой модели необоснованно рассмотрен как промежуточный момент другого преобразования данного процесса, происходящий в конце младенческого возраста.

При этом логика процесса интериоризации по модели Холодински, где по аналогии с формированием внутренней речи первоначально внешние экспрессивные знаки, направленные на взаимодействие со взрослым, и внешние экспрессивные знаки, используемые самим взрослым, дают ребенку опыт анализа собственных переживаний и управления действиями на его основе, а затем преобразуются во внутренние экспрессивные знаки, соответствует указываемому в данной модели новообразованию в конце дошкольного возраста.

Но этот процесс не согласуется с указанной в модели стартовой точкой — экспрессивными возможностями новорожденного. В роли внешних, активно используемых знаков внутри коммуникации со взрослым, обладающих психологическим смыслом, необходимым для того, чтобы использовать их для изменения поведения окружающих, могут выступать экспрессивные сигналы ребенка 2–3 лет. Интересно, что по фактическим примерам и описанию промежуточных этапов в своей модели Холодински это хорошо показывает [17]. В связи с этим, возможно, формирование новообразования в конце дошкольного возраста было бы вполне обоснованно рассмотреть как другой, следующий этап, отдельный интериоризационный процесс, началом которого выбрать не состояние новорожденности, а указанное в той же модели формирование полноценно функционирующих эмоций.

Учитывая проведенный нами анализ модели Гергея и Уотсона, можно предложить выделить процесс формирования полноценно функционирующих эмоций в отдельный, первый этап интериориза-

Т.Н. Котова
Становление
репрезента-
ционных
возможностей...

СОЦИ- АЛЬНО- ЭМОЦИО- НАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ

ции внешних знаков, используемых взрослым, в ходе эмоционального развития. Безусловно, и сами интериоризируемые знаки («отзеркаливание» аффекта и оречевленная эмоциональная экспрессия), и процесс присвоения (удовлетворение потребностей младенца взрослым и взаимодействие в контексте и по поводу воображаемых ситуаций), и формируемое новообразование (форма эмоций с репрезентативным компонентом, позволяющая соотносить переживания с обстоятельствами и последствиями, и форма эмоций, позволяющая анализировать и соотносить их во внутреннем плане) различаются на этих этапах развития эмоций. Но в обоих процессах можно проследить становление одной линии развития: возможности управлять своими действиями на основе собственных эмоций.

Предлагаемые нами уточнения в модели интериоризации Холодински и включение модели социо-био-обратной связи Гергея – Уотсона в более широкую схему интериоризационного хода развития эмоций обнаруживают явное сходство с теорией развития Д.Б. Эльконина [4].

Проведенный нами анализ показал, что предложенные в современной литературе в данном направлении модели Гергея – Уотсона и Холодински содержат много общих черт. Эти подходы называют в качестве общего механизма развития эмоций включение внешних коммуникативных знаков во внутренний индивидуальный процесс. В качестве таких знаков, указывая эмоциональные аспекты поведения взрослого, они выделяют сходные этапы в эмоциональном развитии.

В то же время между предлагаемыми в данных моделях механизмами обнаруживаются и различия: разное понимание того, какие именно детали поведения взрослого в отношении переживаний младенца оказываются интериоризированы; различия в акцентах на функции энергетизации действия у первичных форм эмоций. Но ключевое различие между данными моделями заключается в статусе, придаваемом внутри каждой из них преобразованию форм эмоций, которое наблюдается в конце первого года жизни. Момент появления полноценно функционирующих эмоций, с их соотносительностью с обстоятельствами и последствиями в реальной ситуации, в модели Гергея и Уотсона выступает как момент включения внешнего знака во внутренний процесс управления действием на основе эмоций. При этом в модели Холодински он является лишь промежуточным этапом на пути интериоризации внешнего знака, для возникновения в дошкольном возрасте новой формы эмоции, опирающейся на внутреннюю эмоциональную экспрессию и позволяющей анализировать свои эмоции во внутреннем плане.

В целом рассматриваемые модели и выдвинутые теоретические модификации для них представляются крайне интересными как основа для эмпирических исследований в данной области.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Директ-Медиа, 2014.
2. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы и эмоции. М.: МГУ, 1971.
3. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Академия, 2004.
4. *Эльконин Д.Б.* Детская психология. М.: Академия, 2007.
5. *Barrett L.F., Russell J.A.* The structure of current affect: Controversies and emerging consensus // *Current directions in psychological science*. 1999. Vol. 8, N 1. P. 10–14.
6. *Beebe B., Lachmann F.M.* The contribution of mother-infant mutual influence to the origins of self-and object representations // *Psychoanalytic psychology*. 1988. Vol. 5, N 4. P. 305.
7. *Campos J.J., Barrett K.C., Lamb M.E., Goldsmith H.H., & Stenberg C.* Socioemotional development // *Handbook of child psychology*. Vol. 2. N.Y.: Wiley, 1983. P. 783–915.
8. *Ekman P.* An argument for basic emotions // *Cognition & Emotion*. 1992. Vol. 6, N 3–4. P. 169–200.
9. *Ekman P., Cordaro D.* What is meant by calling emotions basic // *Emotion review*. 2011. Vol. 3, N 4. P. 364–370.
10. *Frijda N.H.* The emotions. N.Y.: Cambridge University Press, 1986.
11. *Frijda N.H.* The laws of emotion // *American psychologist*. 1988. Vol. 43, N 5. P. 349.
12. *Gergely G., Watson J.S.* Early socio-emotional development: Contingency perception and the social-biofeedback model // *Early social cognition: Understanding others in the first months of life*. 1999. Vol. 60. P. 101–136.
13. *Hains S.M.J., Muir D.W.* Infant sensitivity to adult eye direction // *Child development*. 1996. Vol. 67, N 5. P. 1940–1951.
14. *Holodynski M.* The miniaturization of expression in the development of emotional self-regulation // *Developmental Psychology*. 2004. Vol. 40, N 1. P. 16.
15. *Holodynski M.* The internalization theory of emotions: A cultural historical approach to the development of emotions // *Mind, Culture, and Activity*. 2013. Vol. 20, N 1. P. 4–38.
16. *Holodynski M., Friedlmeier W.* Development of emotions and emotion regulation. N.Y.: Springer Science & Business Media, 2006.
17. *Holodynski M., Seeger D., Kortas-Hartmann P., & Wörmann V.* Placing emotion regulation in a developmental framework of self-regulation // *Handbook of self-regulatory processes in development: New directions and international perspectives*. N.Y.: Routledge, 2013. P. 27–59.
18. *Labouvie-Vief G.* Dynamic integration: Affect, cognition, and the self in adulthood // *Current directions in psychological science*. 2003. Vol. 12, N 6. P. 201–206.
19. *Lazarus R.S.* Emotion and adaptation. N.Y.: Oxford University Press on Demand, 1991.
20. *Leslie A.M.* Pretense and representation: The origins of ‘theory of mind’ // *Psychological review*. 1987. Vol. 94, N 4. P. 412.
21. *Leslie A.M.* ToMM, ToBy, and Agency: Core architecture and domain specificity // *Mapping the mind: Domain specificity in cognition and culture*. N.Y.: Cambridge University Press, 1994. P. 119–148.
22. *Lewis M.* Self-conscious emotions // *Emotions*. 2000. P. 742.
23. *Saarni C.* The development of emotional competence. N.Y.: Guilford Press, 1999.
24. *Scherer K.R.* Appraisal considered as a process of multilevel sequential checking // *Appraisal processes in emotion: Theory, methods, research*. 2001. Vol. 92, N 120. P. 57.
25. *Sroufe L.A.* Emotional development: The organization of emotional life in the early years. N.Y.: Cambridge University Press, 1997.
26. *Tronick E.Z.* Emotions and emotional communication in infants // *American psychologist*. 1989. Vol. 44, N 2. P. 112.

Т.Н. Котова
Становление
репрезента-
ционных
возможностей...

Building representations of affective internal states in emotional development of child

Tatyana N. Kotova

PhD in Psychology, Senior Research Fellow at the Laboratory of Cognitive Research. Russian Academy for National Economy and Public Administration. 82, B. 1 Vernadsky Prosp., Moscow 119571, Russian Federation.
 E-mail: tkotova@gmail.com

Abstract. This review compares two emotional development models, that stand out with their special attention to the mechanism for transition from earlier forms of emotions to more mature ones including representations of affective internal states. The internalization theory by M. Holodynski proposes to interpret emotional development by analogy with L.S. Vygotsky's approach to the thinking development. The social-biofeedback model (G. Gergely, J. Watson) is built on contingency perception. Our analysis showed both common features and differences between the two approaches. In both models, the emotional development mechanism is inclusion of external signs to the inner process of actions regulation based on emotions. The key difference is determined by the status of the fully functioning emotions appearance. In Gergely-Watson model, this event is interpreted as transformation of emotions realization after inclusion of the external communicative signs. In Holodynski's model, such change appears just as an intermediate step on the path of external signs internalization that leads to emergence in preschool age of a new form of emotion, based on internal emotional expression and allowing to process one's emotions in the mental plane. In general, the models under consideration and the theoretical modifications put forward for them are extremely interesting as the basis for empirical research in this area.

Keywords: emotional development, internalization, representations of affective internal states, precursors of emotions in infancy, fully functioning emotions, social learning, emotional expression.

For citation: Kotova T.N. Building representations of affective internal states in emotional development of child // *Chelovek*. 2019. Vol. 30, N 3. P. 107–119. DOI: 10.31857/S023620070005383-8

References

1. Vygotskii L.S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Moscow: Direct-Media Publ., 2014.
2. Leont'ev A.N. *Potrebnosti, motivy i emotsii* [Needs, motives and emotions]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 1971.
3. Leont'ev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl; Academia Publ., 2004.
4. El'konin D.B. *Detskaya psikhologiya* [Child psychology]. Moscow: Academia Publ., 2004.
5. Barrett L.F. & Russell J.A. The structure of current affect controversies and emerging consensus. *Current Directions in Psychological Science*. 1999. Vol. 8, N 1. P. 10–14.

6. Beebe B. & Lachmann F.M. The contribution of mother-infant mutual influence to the origins of self- and object representations. *Psychoanalytic Psychology*. 1988. Vol. 5, N 4. P. 305–337.
7. Campos J.J., Barrett K.C., Lamb M.E., Goldsmith H.H., & Stenberg C. Socioemotional development. *Handbook of child psychology*. Vol. 2. N.Y.: Wiley, 1983.
8. Ekman P. An argument for basic emotions. *Cognition & Emotion*. 1992. Vol. 6, N 3–4. P. 169–200.
9. Ekman P. & Cordaro D. What is meant by calling emotions basic. *Emotion Review*. 2011. Vol. 3, N 4. P. 364–370.
10. Frijda N.H. *The emotions*. N.Y.: Cambridge University Press, 1986.
11. Frijda N.H. The laws of emotion. *American Psychologist*. 1988. Vol. 43, N 5. P. 349.
12. Gergely G. & Watson J.S. Early socio-emotional development: Contingency perception and the social-biofeedback model. *Early social cognition: Understanding others in the first months of life*. 1999. Vol. 60. P. 101–136.
13. Hains S.M.J. & Muir D.W. Infant sensitivity to adult eye direction. *Child Development*. 1996. Vol. 67, N 5. P. 1940–1951.
14. Holodynski M. The miniaturization of expression in the development of emotional self-regulation. *Developmental Psychology*. 2004. Vol. 40, N 1. P. 10–27.
15. Holodynski M. The internalization theory of emotions: A cultural historical approach to the development of emotions. *Mind, Culture, and Activity*. 2013. Vol. 20, N 1. P. 4–38.
16. Holodynski M. & Friedlmeier W. *Development of emotions and emotion regulation*. N.Y.: Springer Science & Business Media, 2006.
17. Holodynski M., Seeger D., Kortas-Hartmann P. & Wörmann V. Placing emotion regulation in a developmental framework of self-regulation. *Handbook of self-regulatory processes in development: New directions and international perspectives*. N.Y.: Routledge Publ., 2013. P. 27–59.
18. Labouvie-Vief G. Dynamic integration: Affect, cognition, and the self in adulthood. *Current Directions in Psychological Science*. 2003. Vol. 12, N 6. P. 201–206.
19. Lazarus R.S. *Emotion and adaptation*. N.Y.: Oxford University Press, 1991.
20. Leslie A.M. Pretense and representation: The origins of ‘theory of mind’. *Psychological Review*. 1987. Vol. 94, N 4. P. 412–426.
21. Leslie A.M. ToMM, ToBy, and Agency: Core architecture and domain specificity. *Mapping the mind: Domain specificity in cognition and culture*. N.Y.: Cambridge University Press, 1994. P. 119–148.
22. Lewis M. Self-conscious emotions. *Emotions*. 2000. P. 742.
23. Saarni C. *The development of emotional competence*. N.Y.: Guilford Press, 1999.
24. Scherer K.R. Appraisal considered as a process of multilevel sequential checking. *Appraisal Processes in Emotion: Theory, Methods, Research*. 2001. Vol. 92, N 120. P. 120.
25. Sroufe L.A. *Emotional development: The organization of emotional life in the early years*. N.Y.: Cambridge University Press, 1997.
26. Tronick E.Z. Emotions and emotional communication in infants. *American Psychologist*. 1989. Vol. 44, N 2. P. 112–119.

Т.Н. Котова
Становление
репрезента-
ционных
возможностей...